

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

СИСТЕМА—НОРМА—УЗУС

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

СИСТЕМА—НОРМА—УЗУС

Ответственный редактор
Л. П. Крысин

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА

2010

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
К 45

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16099

Авторы монографии:

*М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская,
Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, Р. И. Розина, В. З. Санников*

Ответственный редактор *Л. П. Крысин*

Техническая подготовка текста к печати *Е. А. Никишиной*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор МГЛУ *Г. Н. Иванова-Лукьянова*;
доктор филологических наук, профессор РГГУ *М. А. Кронгауз*

К 45 Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им.
В. В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 480 с.—
(Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0424-9

Монография продолжает цикл работ, выполненных в Отделе современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и посвященных исследованию процессов, которые происходят в русском языке второй половины XX — начала XXI в.

Система языка в данной работе понимается как совокупность возможных способов и средств выражения, которыми обладает каждый национальный язык, а норма — как совокупность правил отбора таких способов и средств выражения (возможных в системе данного языка), которые приняты в данном обществе в данное время и которые признаются большинством говорящих наиболее пригодными для использования в той или иной коммуникативной ситуации. Норма реализует далеко не все из тех возможностей, которыми обладает система языка. Между системой и нормой находится узус — использование языка в разных сферах человеческой деятельности, речевая практика.

Монография состоит из введения и шести частей. Во введении определяются основные понятия, используемые в работе. Первая часть посвящена явлениям фонетики и орфографии, а также соотношению действующих орфографических правил и письменной практики. Во второй части изучаются процессы, характерные для лексики и лексической семантики. В третьей части исследуется ряд грамматических явлений, связанных главным образом с потенциальностью — то есть распространением в узусе таких языковых фактов, которые отражают возможности системы, но не «освящены» традиционной нормой. Соотношению системы, нормы и узуса в словообразовании посвящена четвертая часть. В пятой описываются языковые явления, наблюдаемые в сферах публичного общения — в радио- и телеэфире и в Интернете. Шестая часть содержит описание механизмов сознательного нарушения говорящими языковой нормы, что получает отражение в ироническом использовании языковых средств и в языковой игре. В заключении подводятся итоги исследования.

Материалом исследования послужили тексты письменной и устной русской речи преимущественно конца XX — начала XXI в. во всех ее функциональных и жанрово-стилистических разновидностях.

Книга адресована специалистам в области современного русского языка, аспирантам и студентам филологических факультетов, а также всем тем, кого интересуют процессы, происходящие в русском языке наших дней.

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-9551-0424-9

© Авторы, 2010

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса (Л. П. Крысин)	9
Литература	25

Часть I

СИСТЕМА, НОРМА И УЗУС В ФОНЕТИКЕ И ПИСЬМЕ

(С. М. Кузьмина)

Глава 1. Нормативная фонетика и современная произносительная практика	31
Вводные замечания	31
Соотношение нормы и узуса в фонетике (на материале устной информационно-публицистической речи в СМИ)	32
Проблемы кодификации орфоэпической нормы	40
Языковые антиномии и их реализация в современных социальных условиях	43
Заключение	44
Литература	45
Глава 2. Нормы орфографии и современная письменная практика . . .	47
Система в письме	47
Норма в письме	48
Взаимодействие нормы и узуса	52
Проблемы кодификации письма	58
Литература	66

Часть II

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ В ИХ СООТНОШЕНИИ С СИСТЕМОЙ, НОРМОЙ И РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКОЙ

Глава 1. Слово в словаре и в современной речевой практике (О. П. Ермакова)	71
---	-----------

Семантические изменения в лексике	76
Расширение лексического значения	76
Процесс метонимизации	77
Процесс стяжения	79
Лексические нормы и модные слова	82
Норма и лексико-семантические анахронизмы	89
Заключение	92
Литература	93
Глава 2. Семантическая деривация	
в аспекте нормы (Р. И. Розина)	96
Вводные замечания	96
Один день из жизни сленга	97
Метонимия в литературном языке и в сленге	102
Метонимические значения глаголов звучания	
в литературном языке и в сленге	103
Метонимические значения глаголов движения	111
<i>Наехать</i>	111
Новые значения глагола <i>идти</i>	116
<i>Идти</i> в функции связки	120
Метонимия в поэзии: И. Бродский	124
Модели поэтической метонимии	127
Литература	137
Глава 3. Формирование оценочных значений	
у безоценочных слов (М. Я. Гловинская)	140
Вводные замечания	140
Прилагательные со значением конфликта мнений	
(<i>неоднозначный и спорный</i>)	140
Глаголы <i>заявлять</i> и <i>объявлять</i>	143
Выводы	148
Литература	150
Глава 4. Проблемы представления	
новых лексических явлений в нормативных словарях	
(на примере иноязычных неологизмов) (Л. П. Крысин)	151
Вторичные заимствования и их описание	
в толковом словаре	161
Литература	166

Часть III
СИСТЕМНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И УЗУАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСЕ

Глава 1. Потенциальные глагольные формы (<i>М. Я. Гловинская</i>)	171
Вводные замечания	171
Видовые корреляты	171
Критерии потенциальности видового коррелята	171
Выводы	189
Действительные причастия будущего времени <i>in statu nascendi</i>	193
Литература	197
Глава 2. Об одном типе нарушений синтаксической нормы (<i>Л. П. Крысин</i>)	200
Литература	203

Часть IV
СИСТЕМНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И УЗУАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Глава 1. Литературная норма и неузуальное словообразование (<i>Е. А. Земская</i>)	207
Вводные замечания	207
Несколько замечаний о языковой норме	210
Об основных тенденциях в словообразовании рубежа XX — начала XXI в.	211
Перераспределение роли и места в системе языка разных способов словообразования	212
Расцвет префиксации	212
Иноязычные приставки	213
Русские приставки	220
Активность морфем иноязычного происхождения. Появление в русском языке новых заимствованных аффиксов	221
Слова-гибриды	222
Имена существительные	223
Прилагательные	223
Глаголы	224
Иноязычные глаголы с русскими приставками	224
Суффиксация	224
Отвлеченные существительные	224

Имена лиц	233
Семантическое словообразование	238
Наименования лиц женского пола	239
Модификационные категории диминутива и аугментатива	242
Названия неодушевленных предметов	243
Словообразовательные игры с языком	245
Игра в два алфавита как явление неузуального словообразования	246
Выводы.	247
Список сокращений	249
Литература.	250
Глава 2. Иноязычные неологизмы и их словообразовательные возможности (<i>Л. П. Крысин</i>).	254
Литература.	259
Глава 3. «Точки роста» в системе современного словообразования: аналитические прилагательные и их место в системе и норме (<i>Е. И. Голанова</i>)	261
Литература.	270
Часть V	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ И УЗУСА В ПУБЛИЧНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ	
Глава 1. Язык интернет-коммуникации (<i>Е. В. Какорина</i>)	273
Интернет-коммуникация (ИК) как новый тип речевого общения	273
Лингвистический статус интернет-коммуникации	276
Компьютерный жаргон как одна из составляющих языка ИК	277
Языковые игры в интернет-общении	282
Другие составляющие языка ИК	284
«Языки» интернет-сообществ	287
Ключевые семантические области	291
Аббревиатуры и акронимы как неологизмы интернет-коммуникации	294

Отгалкивание от литературной нормы (жаргон «падонкафф» и стиль «превед!»)	295
Двуязычность и двуалфавитность письма в текстах ИК.	300
Расширение возможностей языка или игра в бисер?	300
Двуязычность и двуалфавитность письма	301
«Рунглиш»	304
Двуалфавитность	304
Дополнительные знаки и символы	306
Регистр	306
Буквы	306
Цифры	307
Дополнительные знаки	307
Смайлы	309
История смайлов	309
Русские смайлы	311
Смайл как культурный знак и символ интернет-сообщества	313
Языковой образ ИК.	314
Метафоры Интернета.	314
Метафоры, раскрывающие внутреннюю форму слов <i>WWW</i> , <i>Интернет</i>	314
Лексические обозначения передвижения пользователей по Сети	321
Лексические обозначения места в Сети.	327
«Вещи» в Интернете и их лексические обозначения	336
Выводы.	337
Литература.	338

Глава 2. Публичная речь. Современное словоупотребление:

соотношение литературной нормы и узуса (на материале дискурсивных слов) (Е. И. Голанова).	341
Вводные замечания.	341
Дискурсивная лексика в контексте публичной речи	343
Функционирование дискурсивных слов в публичном диалоге	344
Функционирование дискурсивных слов в публичном монологе	359
Заключение	364
Приложение.	364
Литература.	373

Часть VI
СОЗНАТЕЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ ГОВОРЯЩИМИ
ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Глава 1. Ирония в отношении к лексико-семантической норме и к узусу (О. П. Ермакова)	379
Языковая норма и типы иронии	379
Некоторые особенности иронии в прессе	387
Лексические средства выражения иронии в прессе	393
Языковые механизмы текстовой иронии в прессе.	398
Самоирония в разных сферах языка конца XX и начала XXI века	400
Замечания об «околоиронических» явлениях и функции кавычек.	405
Выводы.	407
Литература.	408
Глава 2. Языковая игра (В. З. Санников)	410
Вводные замечания.	410
I. Языковая игра в соотношении с системой языка, нормой и узусом	414
II. Что дает языковая игра говорящему?	428
III. Что дает языковая игра для развития языка?	450
III. а	450
III. б	459
Литература.	465
Заключение (Л. П. Крысин)	469
Summary	473
Список сокращений	476

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ, НОРМЫ И УЗУСА

(Л. П. Крысин)

В монографии «Русский язык и советское общество» (1968) Михаил Викторович Панов сформулировал теорию антиномий¹ — присущих языку постоянно действующих противоречий, благодаря которым совершается его развитие. Основные антиномии: говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы, кода и текста, антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака, антиномия двух функций языка — информационной и экспрессивной (см. [РЯиСО, кн. 1: 24 и след.]). Механизмы действия антиномий были убедительно продемонстрированы в указанной работе на материале развития русского языка первой половины XX века; сама теория получила признание у большинства лингвистов, занимающихся проблемами языковой эволюции.

К теме нашего исследования имеет прямое отношение главным образом антиномия узуса и возможностей языковой системы. Вот как иллюстрирует действие этой антиномии М. В. Панов:

«Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе. Например, узус запрещает сказать *победу*, или *побежу*, или *побежду*. Можно использовать оборот *я буду победителем*, *я одержу победу*, *победа за мной*; но они слишком книжны, не годятся для непринужденной бытовой речи

¹ Хотя понятие антиномии использовалось в лингвистике и ранее (напр., в работах Л. Ельмслева), М. В. Панов рассматривает разные антиномии в их взаимосвязи и формулирует ряд положений о природе антиномий, об их реализации в ходе языковой эволюции, о влиянии на эту реализацию социальных факторов и т. п., что в совокупности можно несомненно считать теорией антиномий.

(и могут в ней употребляться только шутливо). Потребности языкового общения и запрещают, и одновременно заставляют использовать эти формы (ведь строгое исполнение языковых запретов отвечает определенной потребности общения)» [РЯиСО, кн. 1: 25].

Термин «узус» употреблён здесь практически как синоним термина «норма», на это указывают такие характеристики, содержащиеся в приведённой цитате: узус *ограничивает, цепь ограничений* (накладываемых узусом), узус *запрещает, исполнение языковых запретов* (диктуемых узусом); как известно, ограничения и запреты — это функции языковой нормы. По-видимому, такая синонимия послужила причиной того, что в работах других исследователей, развивавших теорию М. В. Панова, эта антиномия иногда называется антиномией системы и нормы (см., например [Крысин 1968; 1989: 22; Беликов, Крысин 2001: 105, 106—107])².

Насколько оправданно употребление терминов «узус» и «норма» как синонимов? Не обозначают ли они нечто хотя и близкое, но всё же существенно различающееся?

Прежде чем ответить на эти вопросы, рассмотрим понимание языковой нормы в современной лингвистике.

Термин *н о р м а* часто используется в двух смыслах — широком и узком.

В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию *узуса*, т. е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка. Так, можно говорить о норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских — аканье. По-своему нормативен и любой из социальных или профессиональных жаргонов: например, то, что используется в торговом аргоне, будет отвергнуто как чуждое теми, кто владеет жаргоном плотников; устоявшиеся способы использования языковых средств существуют в армейском жаргоне и жаргоне музыкантов-«лабухов», и носители каждого из двух этих жаргонов с лёгкостью отличат чуждое от своего, «нормального», и т. д.

В узком смысле норма — это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием *литературного* языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным³. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и

² Заметим, что в лингвистической литературе встречается и терминологическая синонимия иного рода: языковая система понимается как «естественная норма» [Апресян 1993: 9].

³ В западной лингвистической традиции принят термин «стандарт»; из отечественных языковедов этот термин предпочитал употреблять Е. Д. Поливанов (см., например [Поливанов 1968]). Некоторые современные исследователи считают, что термин *стандарт*, или

профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, и поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина⁴.

Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины «узус» и «норма» безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, — это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов⁵. Однако относительно кодифицированной подсистемы, каковою является литературный язык, такое безразличие в использовании терминов «узус» и «норма» явно не оправданно: одно дело, как предписывают употреблять языковые средства словари и грамматики (норма), и другое — как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика). Несовпадение нормативных предписаний и речевой практики более или менее очевидно, и современная устная и письменная речь предоставляет нам массу примеров такого несовпадения.

Из сказанного следует, что применительно к литературному языку полезно различать (в рамках рассматриваемой антиномии) три сущности: систему, норму и узус. При этом в понятии нормы надо иметь в виду два указанных выше смысла — широкий и узкий: 1) норма как результат традиции, как многолетний обычай использовать языковые единицы и их сочетания и 2) норма как результат кодификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц.

Из возможностей, содержащихся в системе языка, литературная норма отбирает такие, которые в наибольшей степени удовлетворяют потребностям речевой коммуникации. Норма в первую очередь — это **выбор** (из множества

стандартный язык, более точно соответствует сущности того, что принято называть литературным языком (см., например [Шайкевич 2005: 220], а также [Живов 2005], где термину *литературный язык* предпочитается термин *языковой стандарт*).

⁴ Одним из первых в лингвистической науке двоякое понимание нормы (дескриптивное — то, как *говорят*, как *принято* говорить в данном обществе, и предскриптивное — как *надо*, как *правильно* говорить) выдвинул уругвайский лингвист Э. Косериу: в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» (см. [Косериу 1963: 175]), а в узком смысле норма — результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определённых языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению. Ближкое к этому понимание нормы можно найти и в работах представителей Пражского лингвистического кружка (например, Б. Гавранка, А. Едлички).

⁵ Говоря о том, что не только литературный язык, но и местные и социальные диалекты имеют свою норму, то есть комплекс традиционно употребляемых средств («узус определяет норму народного языка»), Б. Гавранек обращал внимание на то, что «отклонения от этого комплекса воспринимаются [носителями данного диалекта. — Л. К.] как нечто ненормальное, как отступление от нормы» [Гавранек 1967: 339, 340].

системных возможностей — таких, которые оптимальны для тех или иных условий общения) и лишь во вторую очередь — за п р е т, ограничение использования тех или иных языковых средств (как «разрешённых» системой, так и находящихся за ее пределами). Запрет (того или иного способа произношения, той или иной формы слова, синтаксической конструкции и т. п.) — лишь следствие выбора: выбрав одну из разрешённых системой возможностей, носитель языка бракует другие как не соответствующие коммуникативной задаче.

Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию, и кодификацию, во многом основывающуюся на этой традиции. Тем самым литературная норма противопоставлена, с одной стороны, системе (не всё, что допускает языковая система, одобрено нормой), а с другой — речевой практике: в речевой практике вполне обычны бóльшие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях.

Примеры несовпадения системных возможностей, нормативных предписаний и речевой практики многочисленны и разнообразны.

Так, фонетическая система русского языка допускает сочетания мягких задненёбных согласных с последующим /o/: [к'о], [г'о], [х'о]. Литературная же норма отвергает словоформы типа *берегёт*, *жгёт* (хотя в речевой практике литературно говорящих людей эти формы встречаются⁶), словоформы со звуко сочетанием [к'о] единичны: *ткёшь*, *ткёт*, *ткём*, *ткёте*, а слова с [х'о] в русском литературном языке не встречаются. Тем не менее эти звуко сочетания «фонетически закономерны», и «можно уверенно ожидать, что какое-нибудь заимствование типа *гёла*⁷ или необычное имя собственное с этим сочетанием (*Хёлин*) будет произноситься людьми, владеющими русским литературным языком, без звуковых замен и без артикуляционных запинок: они сохраняют именно такой свой облик, с [г'о] и [х'о], даже если войдут в число общеупотребительных, частой в бытовой речи слов» [Панов 1967: 79—80].

Языковое творчество детей и некоторых писателей также может служить свидетельством того, что возможности системы языка значительно шире того, что разрешает литературная норма и что закреплено в узусе.

В знаменитой книге Корнея Чуковского «От двух до пяти» приведены многочисленные факты «незаконных» (а на самом деле вполне допускаемых системой русского языка) детских формо- и словообразований типа *зада-*

⁶ По данным массового обследования носителей русского литературного языка в 60-х гг. XX в., приблизительно пятая часть опрошенных сочла допустимым употребление форм *волокёт* и *жгёт* [РЯДМО: 215 и след.].

⁷ Ср. слова *гёрлс*, *гёрлскаут*, *гёрлфренд*, заимствованные русским языком в самом конце XX в. и уже зафиксированные словарями (см., например [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 152; Крысин 2005: 192; Русский орфографический словарь 2005]).

ду, спрятаю, пивнул, откуснул, всколькером, рукти (по образцу слова *ногти*: «на ногах *ногти*, а на руках *рукти*»), *окошный* дом, *зубовный* врач, *пугательные* сказки и т. п. [Чуковский 1990: 105 и след.]. Один из персонажей романа А. Солженицына «В круге первом», Илларион Герасимович, «не слабел, а, наоборот, *сильнел* от такой жизни». Разумеется, система языка не ставит под запрет образование глагола *сильнеть* от прилагательного *сильный*, поскольку словообразовательная модель производства глаголов со сходной семантикой ('приобретать свойство, обозначенное прилагательным, в большей степени') от других прилагательных, имеющих в своём составе суффикс *н-*, существует: ср. *полный* — *полнеть*, *умный* — *умнеть*, *ясный* — *яснеть* и под. Однако ни в нормативных словарях, ни в речевой практике большинства говорящих по-русски глагола *сильнеть* нет. Заметим, что А. И. Солженицын вполне осознанно и целенаправленно расширяет русский словарь, вводя в него слова, отчасти забытые, отчасти стоящие на периферии языка, отчасти придуманные им самим, но образованные в большинстве случаев в соответствии с системными закономерностями русского языка: *выкоренить* (искоренить, истребить), *головотряс* (недуг), *думчивый* (требующий призадуматься), *изломистый*, *крохота* (мелюзга, мелкота), *лют* (сильный мороз, стужа; ср.: «Ой, *лют* там сегодня будет, двадцать семь с ветерком, ни *укрывает*, ни *грева!*» — «Один день Ивана Денисовича»), *неуют*, *скорodelьный*, *сличка* (сравнение), *хрусткий* (жесткий, твердый и ломкий), *чашичат* (бражничать, пировать) и под. [Солженицын 1990].

В разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой.

В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Например, характерное для современной речевой практики распространение флексии *á* (*-я́*) в именительном падеже множественного числа на всё более широкий круг существительных мужского рода (*инспектора*, *прожектора*, *сектора*, *цеха*, *слесаря*, *токаря* и под.) означает, с одной стороны, что конфликт между системой и нормой разрешается в пользу системы, а с другой, что постоянно изменяющийся, пополняемый новшествами узус, живая речевая практика оказывает давление на традиционную норму, и для некоторых групп существительных образование форм на *á* (*-я́*) оказывается в пределах кодифицированной нормы (и, значит, конфликт между нормой и узусом разрешается в пользу узуса).

Форма родительного падежа множественного числа *носок* (*несколько пар носок*), недавно разрешенная современными кодификаторами грамматической нормы наряду с традиционно-нормативной *носков* (см. [Еськова 1994: 191;

Орфоэпический словарь 1997: 304]), — несомненная уступка просторечному узусу, из которого форма родительного падежа множественного числа с нулевой флексией (*носок*), ранее оценивавшаяся как бесспорно неправильная, распространилась и в среду говорящих литературно. Влиянием просторечной и профессионально-технической среды объясняются и многие другие варианты, допускаемые современной русской литературной нормой: *дóговор, договорá, договорóв* (наряду с традиционными *догово́р, догово́ры, догово́ров*) [Еськова 1994: 88; Орфоэпический словарь 1997: 126], *переговóры по разоружению* (наряду с *переговóры о разоружении*), *радиовещание на заграницу* (то есть *радиовещание для слушателей, живущих за границей*), *война на уничтожение* (вместо традиционной конструкции *война с целью уничтожения*), *поделиться о впечатлениях* (вместо *поделиться впечатлениями*)⁸ и т. п.

Речевая практика может способствовать не только проникновению в нормированный язык новых для литературного языка единиц, но и укреплению в нём новых моделей — словообразовательных, синтаксических и других. Например, многочисленные лексические заимствования из других языков, главным образом из английского, расширившие нормативный русский словарь в конце XX века, способствуют и тому, что активизируются структурно новые типы слов. Таковы, например, некоторые словосочетания с так называемыми аналитическими прилагательными — типа *бизнес-план*. Надо сказать, что образование подобных словосочетаний — явление не новое для русского языка, их массовое возникновение (на основе сокращений типа *парт-, проф-, сов-* и т. п.) относится ещё к 20-м годам XX в.; грамматические свойства аналитических прилагательных достаточно хорошо изучены (см. в первую очередь работы М. В. Панова, который предложил и сам термин «аналитические прилагательные» — [Панов 1956; 1971]). В большинстве случаев аналитическое прилагательное представляет собой неизменяемую единицу (*аудио-, био-, видео-, гидро-, кардио-, космо-, нарко-, шоу-* и под.), и препозитивное присоединение её к знаменательному слову — явление вполне естественное, аналогичное тому, как присоединяются к определяемым словам обычные, изменяемые определения-прилагательные. Однако когда в качестве аналитического прилагательного выступают слова, которые могут существовать и в виде склоняемых существительных (*бизнес, Интернет*), то речь может идти не только об образовании словосочетаний с аналитическими прилагательными (*бизнес-план, интернет-карта*), но и о более традиционных для системы русского синтаксиса генитивных словосочетаниях (*план бизнеса, карта Интернета*) или о предложно-падежных конструкциях (*план по бизнесу, карта для Интернета*);

⁸ Об источниках и нормативном статусе этих и других подобных конструкций см. [Ицкович 1982; Синтаксис и норма 1974; Гловинская 1996; Крысин 2000; 2004].

Часть I

**СИСТЕМА, НОРМА И УЗУС
В ФОНЕТИКЕ И ПИСЬМЕ**

(С. М. Кузьмина)

Глава 1. Нормативная фонетика и современная произносительная практика

Публичная речь — не то, что болтовня на кухне;
нужны, конечно, не котурны, но особая дистанция,
отстояние от бытовой речи,
нужна особая культура говорения.

М. В. Панов

Вводные замечания

Соотношение системы, нормы и узуса в языке имеет сложный характер и не является чем-то постоянным. Во-первых, это соотношение существенно различно в разные периоды исторического развития (об этом мы будем говорить ниже). Во-вторых, соотношение системы, нормы и узуса даже в один период истории языка имеет в каждом языковом ярусе свои специфические особенности.

При изучении фонетического яруса языка, в отличие от других языковых ярусов, разграничение системы и нормы как продукта кодификаторской деятельности проявляется более резко, чем в других сферах языка, следствием чего является наличие двух терминов — «фонетика» и «орфоэпия» (ср. отсутствие соответствующих пар в других ярусах).

При разграничении понятий «фонетика» и «орфоэпия» мы опираемся на положения Московской фонологической школы (МФШ): фонетика является областью системных отношений языковых единиц — фонем и звуков; орфоэпия — практическая фонетика, фонетика в нормативной реализации.

Р. И. Аванесов различает такие ряды произносительных фактов: с одной стороны, звуковое оформление слов, определяемое фонетической системой, фонетическими условиями [Аванесов 1972], а с другой, звуковое оформление отдельных слов и отдельных грамматических форм, определяющееся, как он подчеркивает, не фонетической системой языка. Так, звуковое оформление отдельных слов определяется «принадлежностью слова к тому или иному стилю» или «к определенному слою лексики» (*нос[т'э]ль* и *па[стэ]ль*,

па[т'э]нт и [тэ]нт). Звуковое оформление отдельных грамматических форм также не определяется фонетической системой языка, например, твердое или мягкое произношение звука [с] в частице *ся, съ* [Аванесов 1972: 10] или твердое-мягкое произношение заднеязычных [г], [к], [х] в конце основы прилагательного и глагола (*строгий, кроткий, ветхий; подпрыгивать, сталкивать, встряхивать*).

Произносительные факты именно двух последних разрядов, то есть не определяемые фонетической системой языка, а действующие для отдельных слов или форм слова, описываются Р. И. Аванесовым как орфоэпические явления.

М. В. Панов в фонетическом ярусе языка выделяет два вида нормативных предписаний: фонетические законы, устанавливаемые языком, и орфоэпические правила, устанавливаемые людьми [Панов 1979].

Орфоэпия всегда имеет дело с существующими в речевой практике вариантами, из которых в результате кодификаторской деятельности выбирается один или допускается два или более. С помощью вариантов язык нащупывает дорогу в будущее. Так, утрачивая фонетическую обусловленность, то есть обусловленность фонетической системой, варианты обретают стилистическую нагрузку, в том числе функционально-стилистическую, то есть могут распределяться по типам речи. Поэтому А. А. Реформатский называет орфоэпию фонетической стилистикой или стилистической фонетикой. Ср. шутку М. В. Панова: в нейтральном стиле произносится ф[анэ]ма, в высоком ф[онэ]ма, в разговорном ф[ан']ема, а в просторечии ф[а]нёма.

Кроме внутрисистемных орфоэпических вариантов, то есть вариантов, дозволенных системой данного языка, в речевой практике существуют и варианты — «пришельцы» из других языковых систем. Поэтому одна из целей орфоэпических правил — оградить литературный язык от иносистемных влияний. Так, в 20—30-е гг. XX в. было актуально защитить русский литературный язык от украинизмов и диалектизмов. Сейчас же, как увидим, — от проникновения фонетических вариантов из одной функциональной разновидности литературного языка в другую, то есть от смещения в пределах литературного языка функциональных разновидностей.

Соотношение нормы и узуса в фонетике (на материале устной информационно-публицистической речи в СМИ)

1. В монографии «Русский язык и советское общество» [М., 1968] (далее РЯиСО), в томе, посвященном фонетике современного русского литературного языка, на основе изучения массового материала были рассмотрены отношения между системой, нормой и узусом в русской фонетике 20—60-х гг. XX в.,

прослежены тенденции ее развития и изучено взаимодействие внутриязыковых и социальных факторов, влияющих на изменения в ней. Эта монография послужила стимулом для развертывания работ в области социолингвистики (см. [Крысин 1990]) и заложила основы новой школы — Московской школы функциональной социолингвистики [Земская, Крысин 1998]. Она имеет большое значение еще и потому, что дает возможность с единых теоретических позиций (и на основании определенной методики) описывать состояние русского языка на последующих этапах его развития и проследить на разных синхронных срезах дальнейшую эволюцию русского языка, в том числе фонетики.

Важной задачей исследователей русского языка на современном этапе является, опираясь на теорию антиномий как внутренних стимулов развития языка, разработанную М. В. Пановым в этой монографии, а также на другие работы М. В. Панова и его школы, исследовать взаимодействие внутренних и внешних (социальных) факторов в эволюции фонетики в новой общественной ситуации, сложившейся в России начиная с середины 80-х гг. XX в.

В настоящей главе ставится более скромная задача — рассмотреть взаимодействие нормы и узуса в фонетике постсоветского времени, зафиксировать спровоцированные новыми социальными условиями изменения в русской фонетике, проследить языковые и социальные факторы, подтачивающие, разрушающие норму, влияющие на ее неустойчивость.

Объектом исследования послужила устная информационно-публицистическая речь, представленная в средствах массовой информации. Эта разновидность специальной речи была взята для изучения потому, что именно в ней наиболее ярко проявляются изменения, связанные с резкими сдвигами в общественно-политической ситуации. Кроме того, радио и телевидение, по выражению М. В. Панова, — «главные собеседники нашего современника» и влияние их на речь населения очень велико. И, наконец, информационно-публицистическая речь по самому своему положению, по экстралингвистическим характеристикам должна представлять (и до недавнего времени представляла собой) строгую, стилистически нейтральную разновидность литературного произношения, воплощение литературной нормы.

Интересно сопоставить основные фонетические особенности информационно-публицистической речи «доперестроечного» периода, исследованные на материале информационных программ «в исполнении» радио- и теледикторов [Кузьмина 1996], с наблюдениями над фонетикой современных радио- и телеведущих.

2. Какие черты были присущи фонетике устной информационно-публицистической речи предшествующего периода?

— Строго выдержанная монологичность речи дикторов, ориентированной на сообщение, но не на общение. Это определяло ограниченный набор комму-

никативных заданий и соответственно не отличающийся разнообразием синтаксис, что, в свою очередь, сказывалось на суперсегментных фонетических характеристиках данного вида речи.

— Суперсегментная фонетика дикторской речи характеризовалась следующими чертами: 1) ограниченным набором интонационных конструкций, 2) стабильным средним темпом произнесения, 3) отсутствием пауз колебания и психологических пауз, 4) наличием так называемых дикторских пауз. К этим чертам, отмеченным Г. Н. Ивановой-Лукияновой [1989], следует добавить также ровность тона, отсутствие его резких перепадов, ровную громкость, связанную с ровной интенсивностью голоса. Старейший диктор радио Н. Толстова считала, что диктор должен быть скуп на интонационные раскраски и ни в коем случае не должен имитировать разговорную речь.

Перечисленные суперсегментные характеристики способствовали реализации нейтральной, «идеальной» ритмической модели слова, выражаемой формулой Потебни (12311) и, соответственно, нормативному распределению безударных гласных в пределах фонетического слова. Условий для свехредукции гласных, для эллипсиса целых звуковых сегментов, столь характерных для так называемой непринужденной разговорной речи (РР), в речи дикторов не было. И хотя и в этой речевой сфере встречались некоторые явления, присущие фонетике разговорной речи, все же их было несоизмеримо меньше, чем в какой бы то ни было другой разновидности специальной речи, и они были ограничены практически лишь заударными позициями.

В речи СМИ различались два жанра: речь информирующая, то есть речь дикторов, и так называемая аналитическая — речь журналистов-комментаторов [Иванова-Лукиянова 1989]. Реализация фонемы ⟨y⟩ звуком [ъ] в дикторской речи была возможна лишь в заударной части слова, и то встречалась она не часто. При объявлении погоды допустимо было *восемь град[ъ]сов*, но абсолютно исключено *восемь гра[тс]ов*, то есть «пропажа звуков» (по выражению А. А. Реформатского), весьма обычная в РР и свободно проникающая в недикторскую теле- и радиоречь. Журналист, ведущий передачу, объявляя в заключение погоду, мог сказать: *два[ц]восьмого октября преиму[ш'снъ] осадки*. У радио- и теледикторов такая степень компрессии речи была исключена.

Редукция гласных и согласных до нуля была возможна у дикторов, но главным образом в заударной позиции (ср., напр., [п'ътнац'и]) (при сохранении количества слогов), и то преимущественно в тех аффиксах, фонемный состав которых вследствие их высокой частотности легко «восстанавливается» при восприятии. Примеры: *относи[тн]ая* влажность, *обстоя[тн]ый* разговор, *машинострои[тн]ый* завод, *прави[тств]енная* комиссия. В речи же журналистов-комментаторов было больше «вольностей», ср.: [д'иптáтъ] (де-

путата) СССР — с утратой целого слога; [кр'иьса] (кризиса); [с:ал'н]ым (социальным) проблемам; *сове[с]ких дипломатов; за[пън:ъ]-европейского*. Возможно также выпадение предупредительных гласных в далеких от ударения слогах: *выступили с [ин']циативой*.

Экспрессивная функция в этой языковой разновидности играла подчиненную роль, экспрессия в ней звучала не часто, в особо торжественных случаях. Это особенно заметно, когда речь дикторов дается в непосредственном соседстве с речью журналистов-комментаторов. Так, в речи дикторов невозможно экспрессивное продление звука, тогда как в речи комментаторов не только возможно, но и естественно, поскольку комментатор озвучивает собственную речь. ср.: *«Национальные чувства очень тонкие, и воздействовать на них надо [о:]чень осторожно»*.

3. В современной речи как радио-, так и телеведущих почти по всем рассмотренным параметрам можно отметить противоположные характеристики. Наблюдения над информационно-публицистической речью СМИ дали следующие результаты.

В связи с процессами, происходящими под влиянием новых социальных условий — усиление диалогичности общения, усиление личностного, индивидуального начала ([Панов 1988]), строго выдержанная монологическая речь дикторов, ориентированная на сообщение, стала занимать гораздо меньшее место в информационно-публицистических жанрах СМИ. Усиление диалогического начала определяет разнообразие коммуникативных заданий и синтаксических конструкций, характерных для разговорной речи. В эфире представлены постоянные диалоги с репортерами, которые, в свою очередь, ведут диалоги с интервьюируемыми. Происходит явный поворот от сообщения, «вещания» в полном смысле этого слова к общению, от монолога — к диалогу. Несомненна «разгерметизация» стерильных условий вещания, и это привело к более широкому проникновению в эту разновидность публичной речи разговорной речи («улица заговорила» и здесь).

Как уже было сказано, еще недавно информационно-публицистический стиль русского языка, воплощенный в речи радио- и теледикторов, представлял строгую разновидность литературного произношения и был близок к эталону литературной речи. Однако стремление радио и телевидения приблизить язык «к жизни» привело к отказу от дикторов-профессионалов. Теперь ведущие, как и журналисты-комментаторы, сами озвучивают свой текст, нередко и не подозревая о существовании орфоэпических, а тем более интонационных норм. В результате фонетика публичной речи, и прежде всего суперсегментная, как увидим, стала испытывать сильнейшее влияние разговорной стихии с ее свехредукцией гласных, эллипсисом целых звуковых сегментов и другими яркими чертами, свойственными непринужденной разговорной речи.

Ускоренно пошло и вытеснение традиционных, так называемых старомосковских орфоэпических вариантов, начавшееся по-большевистски насильственно еще раньше, с началом перестройки, когда в порядке «приближения к жизни» от дикторов, владеющих традиционной орфоэпической нормой, стали требовать отказаться от нее: говорить не [даж' :и́] (*дожди*), а [дажд' и́], не [дош :'] , а [дошт'] (*дождь*), не *расстал*[сь], *расстал*[с'а] и др. (по свидетельству самих радиодикторов).

Даже в такой сверхконсервативной области фонетики, как интонация, заметны отступления от литературной нормы: вместо ровного тона в речи дикторов — ничем не оправданные резкие его перепады (не исключая при этом общего монотона), что создает впечатление «базарной» речи; необоснованное акцентное выделение отдельных слов, — прихотливый, не отвечающий нормам русской речи интонационный «узор» предложения.

Иллюстрацию сказанного начнем именно с суперсегментной фонетики, поскольку многие черты сегментной фонетики определяются новшествами в области интонации.

4. Одна из ярких черт, нашего времени, характеризующая суперсегментную фонетику СМИ, — убыстренный, иногда даже сверхбыстрый темп, скороговорка (вместо среднего темпа речи дикторов), как бы установка на максимум слов в минимум времени. Это связано с общим увеличением темпа жизни, с усилением личностного, индивидуального начала, а также с усилением экспрессивной функции языка. В. С. Елистратов в статье о современных СМИ считает «установкой времени максимум эмоций и смысла в минимальный отрезок времени» [Елистратов 2004]. Антиномия говорящий — слушающий со всей очевидностью решается сейчас в пользу говорящего, именно он диктует свои законы, не всегда считаясь с интересами слушателя (подробнее см. об этом ниже).

В суперсегментной фонетике особенно ощущается торжество непрофессионализма речи СМИ. Стремление к индивидуализации интонации, связанное с усилением личностного начала, зачастую воспринимается слушающим как неуместное, чуждое таким строгим жанрам публичной речи, как информационно-публицистический. Очень велика угроза стремительного размывания информационно-публицистической разновидности языка.

5. Еще одна характерная интонационная инновация — перенос фразового ударения с конца на начало синтагмы, необоснованное выделение первого слова синтагмы, заключающееся в резком высоком тональном переходе, всплеске интонации на очень высоких тонах. В терминах теории интонации Е. А. Брызгуновой это ИК-2 с высоким восходящим началом [Брызгунова 1984]. При этом если в словаре имеется предупредительный слог, то происходит сдвиг тонального акцента на него. В приводимых ниже примерах этот сдвиг условно обо-

значается знаком двойного ударения ". Почему можно говорить о необоснованности такого выделения? Потому что по интонационным нормам русского литературного языка фразовое ударение падает на последнее слово синтагмы, за исключением тех случаев, когда необходимо выделить слово по семантическим или коммуникативным соображениям (так наз. логическое ударение).

Примеры такого необоснованного выделения в речи радио- и телеведущих:

[а́]бъём ледовой массы равняется...; Им вдвоем / [да́]ста́точно тесно (корр. об условиях жизни ТВ-1); ...составляет / [па́]чти́ пять тысяч человек; и с тех пор / [в'й³]ла́ за ним слежку (ТВ, 1); Первый тур голосования / проше́л [да́]во́льно спокойно (ТВ).

Примеры необоснованного выделения прилагательного в группе прилагательное + существительное:

И щас он / в п[р'й³]мо́м эфире; По мнению гла́вного врача...; И сегодня / [ра́]ссийские ученые заявили, что...; В случае начала [бъ́]евых действий...; Его подробности в на́шем репортаже; Просто хотят выразить / [сва́]ё недовольство (ТВ); Задержанные уже дали / пе́рвые показания; заслуженный работник / [ф'й³]зи́ческой культуры; Состояние [па́]лестинского лидера не изменилось; / прервал свой тур по [ла́]тинской Америке (репортер РТР, Вести); На Б[л'й³]жнем Востоке (без противопоставления Дальнему); [ва́]ору́жённых сил; [й³]та́льянские ученые открыли...; Нашего ло́ндонского корреспондента (до этого речь шла именно о Лондоне); Наши специа́льный корреспондент.

Стоит обратить внимание на то, что сейчас ведущие и телекомментаторы так называемых новостных программ только с таким выделением прилагательного и произносят словосочетание *собственный корреспондент*; другими словами, в узусе информационно-публицистической разновидности специальной речи победило неправильное произношение, но от этого оно не перестало быть безграмотным.

Иногда ударением необоснованно выделяется предлог или даже приставка, приходящиеся на начало синтагмы:

Выполняет свои обязанности (тон вверх) / [на́] общественных началах (ТВ-1); ...будет поставлена / [пат] сомнение; Все это время / [за́] режиссерским пультом была...; [пъ́]дде́рживала — с тем же интонационным рисунком.

Интонационное выделение первых слов синтагмы во всех этих случаях не обусловлено их местом во фразовой структуре. Не оправдано оно и желанием сделать на них логический акцент — выделить слово по смысловым или коммуникативным соображениям. Случайное акцентирование отдельных слов, обоснованное разве что желанием «поиграть» голосом, неоправданное

выделение ударением каждого слова во фразе — все это считалось самой элементарной интонационной ошибкой и объяснялось безграмотностью, отсутствием речевой культуры. К. С. Станиславский предостерегал актеров от грубейшей ошибки акцентного выделения прилагательного (разумеется, если оно семантически не нагружено (не несет на себе так называемого логического ударения, не связано с коммуникативной необходимостью выделения слова. Теперь же эта ошибка очень распространена в СМИ, а под их влиянием и в речи молодежи.

Тэму продолжит / [с'т'й'э]пáи́н (с резким повышением) *Кравченко* (Эхо Москвы); *И благодарю режиссера* / [св'й'э]тлáну Ростовцеву (Эхо Москвы); *Репортаж* / [áн]то́на Верницкого; *Репортаж* / [á]лекса́ндра Рогаткина; *Из Парижа репортаж* / [вá]ди́ма Глускера; *О премьерe* / [й'э]ле́на Курляндцева (ТВС).

Напомним, что все рассмотренные случаи взяты из публичной по своим экстралингвистическим характеристикам речи, речи теле- и радиоведущих. Можно сказать, что ударение на первом слове (непервой синтагмы) стало интонационным шаблоном информационной речи СМИ.

Просодическое выделение первых слов синтагмы в разговорной речи отмечала Н. Н. Розанова [Розанова 1996]. Т. М. Николаева на материале устной научной речи предлагает различную интерпретацию семантики акцентного выделения [Николаева 1982], однако ни одно из ее толкований семантики выделения начала первой синтагмы не подходит к рассмотренному случаю, не дает коммуникативного «оправдания» рассмотренному нами переносу ударения. Н. Д. Светозарова справедливо пишет о том, что необоснованный перенос ударения в спонтанной речи на первый член определительного словосочетания создает «эффект ложного контраста»: *Следующая остановка — Московский вокзал* (притом, что в Петербурге на этой линии нет другого вокзала) [Светозарова 1993: 192]. Распространению этой «новой модели акцентуации», по ее мнению, «способствует расширение сфер применения убеждающей, активной спонтанной устной речи с обилием в ней выделений, сопоставлений, подчеркиваний» [Там же: 197]. Т. о. и она связывает эту просодическую тенденцию с влиянием стихии разговорной речи.

6. На сегментном уровне в области вариантов, связанных с факторами суперсегментной фонетики, зависящих от них, следствием убыстрения темпа речи является экспансия в СМИ фонетики РР, о чем уже была речь, и прежде всего таких явлений, как свехредукция гласных, упрощение групп согласных и другие яркие черты РР, неуместные в условиях публичной коммуникации.

Примеры:

[к'эст'цью]нный (*конституционный*); [п'р'ьк'эратуры] (*прокуратуры*); [с'одн'ь] и даже [с'он'] (*сегодня*) при объявлении погоды; в *Маскве* в пер *плавине* *сёдньшнь-во дня*; и мн. др. *Сейчас в городе* плю[шш]естна́дцать; *!Два чека* *погибли* (Эхо

Москвы, муж.); [късцон]ный суд (кассационный); му[ска]льная (музыкальная) тема; северо-[ас'т']инской республики; Краткий вы[пск] (выпуск) новостей; вы[пск]а (выпуска); [смст]оятельного использования (Эхо Москвы).

Вместе с тем следует отметить характерное для звучащих СМИ замедление темпа и растягивание конца фразы, а также начала и конца синтагмы. Это сопровождается вставкой «лишних», паразитических гласных.

1) Вставка гласного [а] (часто сопровождается гортанным приступом) в начале слова, начинающегося с согласного звука (то есть стремление к неприкрытым слогам): *влажность / девяноста а:дин / [а]працент*; через пятнадцать [а]лет (полновесное открытое [а] с гортанным приступом); [а]рост цен; трудятся... на летних / [а]каникулах; на поиски временной / [а]работы (Эхо Москвы, жен.).

2) Вставка гласного [ъ] в конце слова после твердых согласных и [ь] или [и] после мягких согласных (то есть стремление к открытым слогам в конце слова, своего рода восстановление редуцированных!): *Об основны[х[ъ] темах[ъ]* (начало программы новостей). *В шестнадцать[т'и] часоф[э] у нас будет[э]...* (далее следует перечень передач) (муж.). *Ну а дальше вас[ъ] с новостями будет[ъ] знакоми[т'ъ]...* *Сейчас тридц[а[т'ъ] мину[тъ]. Через пятнадцать[т'и] минут[ъ]. Среди сильнейши[хъ]. Ведут поиск[къ] сбежавших. Тридц[а[т'и] четыре. Было много / телефонных[ъ] звонков.*

7. Описанные отклонения от норм литературной интонации в большой мере явились результатом устранения института радио- и теледикторов, то есть отказа от людей, профессионально владеющих публичной речью. Сам этот отказ объясняется тем, что жанр дикторской речи стал оцениваться как олицетворение идеологии советского времени, восприниматься как принадлежность официоза, как сухой и бездушный, временами нарочито-пафосный, искусственно-восторженный. Однако в результате такого отталкивания от ложного пафоса речи дикторов дозастойных и застойных времен получился перехлест: новый штамп, шаблон, при этом эстетическая сторона речи ведущих отступила на задний план.

Итак, устранение с радио и телевидения профессиональной дикторской речи способствовало снижению культуры звучащей публичной речи СМИ. Между тем влияние этой речи на формирование речевых навыков говорящих и на устойчивость этих навыков, как говорилось выше, несомненно, велико.

Описанные интонационные новации требуют введения интонации в нормативное русло. Даже если окажется, что за этими тенденциями будущее русского языка, важно искать пути противодействия вульгаризации речи, ее интонаци-

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Система — норма — узус

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова

Оператор Е. Зуева

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 10.06.2010. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 38,7. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ государственной регистрации 1037789030641.
Тел.: 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy pr. 2, str. 1
(Метро «Парк культуры»)